

Р.В. Фурцев

Рейхстаги и имперские реформы в конце XV – начале XVI веков

В статье рассматриваются вопросы установления места и роли рейхстага как института власти в системе государственного управления Священной Римской империи, а также проблемы взаимоотношений между сословиями и Максимилианом I Габсбургом в свете процесса инициирования имперских реформ.

Ключевые слова: империя; сословия; рейхстаг; политика; реформы.

Священная Римская империя немецкой нации вступила в раннее Новое время с характерной двойственной структурой управления: территориально-княжеская власть венчалась короной, имея собственные институты власти в наследственных землях. Оба полюса были слишком сильны, чтобы сдвинуть вековое противоборство в чью-либо сторону. Зачастую этот период именуют временем «уплотнения» социально-политических процессов, высокой динамики общественной жизни, позволившей династии Габсбургов создать в империи мощный плацдарм в виде австрийских княжеств и выйти из опасного кризиса времен Фридриха III (1440–1493). Время властно требовало реформ в тесном взаимодействии с имперскими сословиями: только так династия могла сохранить реальный вес среди своих подданных.

Как известно, в империи в роли законодательного органа выступал рейхстаг, решения которого формально были обязательными для всех имперских сословий. Однако на практике его постановления далеко не всегда выполнялись, поскольку сословия обладали значительным суверенитетом как во внутренней, так и во внешней политике. Более того, со временем их полномочия постепенно расширялись. Если такие западноевропейские государства, как Франция и Англия, в рассматриваемый период уже начали движение по пути формирования современного бюрократического государства, то в империи этот процесс происходил на территориальном уровне, т. е. уровне отдельных имперских сословий. Тем не менее попытки превратить империю в сильную централизованную монархию активно предпринимались императорами из династии Габсбургов, прежде всего Максимилианом I (1493–1519) и Карлом V (1519–1556), и не в последнюю очередь ввиду нарастающей турецкой угрозы.

Но империя не могла стать централизованным государством, пока в ней широкое распространение имело независимое от королей дворянство. К тому же она была слишком велика и разнородна для осуществления эффективного контроля со стороны центральной власти. А избрание императоров

целиком зависело от коллегии курфюрстов, выторговывавших привилегии для своих территорий. С течением времени место собрания придворной знати (Hoftag) занял съезд имперских сословий (Reichstag), разделенный на три курии, т. е. курфюрстов, князей и городов. Разумеется, для создания единого централизованного государства требовалось провести реформы. Однако их можно было реализовать только с согласия и при помощи рейхстага. С другой стороны, Германия играла в политике как Максимилиана I, так и особенно Карла V все же подчиненную роль. А сопротивление высшей имперской аристократии приобрело при Карле V еще и религиозную форму. Во всяком случае земельные князья становились территориальными князьями, которые начинали приобретать право установления законодательства. Но даже в XVI веке родовые земли Габсбургов еще нельзя было в полной мере считать государством [13: s. 45].

Специфика государственного строительства германских земель раннего Нового времени отличалась от аналогичного процесса, протекавшего в других частях Западной Европы, главным образом в двух аспектах: оно было запоздалым как минимум на полстолетия и происходило на территориальном уровне, а в вольных городах и на локальном уровне. Кроме того, подчинение церкви государству вследствие Реформации давало возможность германским территориальным князьям усиливать свою автономию по отношению к императорам и спокойно развивать собственную государственность. Несомненно, в отношениях между сословиями и императорами большую роль играли унаследованные от Средневековья и растущие в еще большей степени финансовые потребности империи в области госуправления, внешней политики и войн. Именно территориальные силы, а не императоры, имели к началу XVI века достаточную силу для того, чтобы приблизиться к осуществлению построения абсолютистских территориальных государств. Сословия уже давно и настойчиво требовали реформ в сфере имперского управления. Реформистские устремления Максимилиана I, а именно установление в 1495 году Вечного мира, создание имперского суда, введение имперского налога, элементов общеимперской системы госуправления, создание имперских округов, должны были бы способствовать существенному улучшению управления империей на пути создания единого государства. Но этому процессу препятствовало отсутствие необходимых органов исполнительной власти и финансовых средств. Причем ни Максимилиан I, ни его внук особо не стремились решать эту проблему. К территориям кайзеры обратились слишком поздно, и те уже не могли отказаться от прав, которые им достались в прежние времена [7: s. 86]. Теоретически рейхстаг был органом представительства имперских сословий для содействия управлению и законотворчеству в империи. Однако на деле многое происходило по иным сценариям.

Опорой императоров вплоть до конца существования империи были отдельные группы имперских сословий и социальные группы, представлявшие собой клиентелы по отношению к своему патрону точно так же, как это было везде в Европе в Средние века и в раннее Новое время. Это были группы

из высшего и низшего духовенства, графов и баронов, из рыцарей и городских бюргеров. Проблема финансирования политических мероприятий императора и общеимперских учреждений являлась важнейшим индикатором их отношений с имперскими властями и катализатором территориализации. Собрания знати в средневековой Священной Римской империи открывали дорогу к рейхстагам раннего Нового времени, на которых монархи пытались скорректировать имперскую конституцию в своих интересах. В этом смысле разного рода союзы, вроде Швабского союза, и региональные ассоциации имперских сословий были средствами проведения такой политики. Но в словесном смысле они занимали традиционные позиции, политически и экономически сочлененные в иерархическом плане [9: s. 10–11].

В конституировании рейхстага большая роль принадлежала коллегии курфюрстов, которая уже в середине XIV века стала в высшей степени закрытым собранием, а в конце XV века приобрела по отношению к другим группам имперских сословий особое положение. Другим важным моментом стало введение принципа большинства при принятии решений рейхстага в ходе имперской реформы конца XV века, что подготовило возникновение в 30-е и 50-е годы XVI века собраний имперских округов (Reichskreistag) и имперских делегаций (Reichsdeputationstag), на которых предварительно представители сословий обсуждали вопрос, проводить рейхстаг или нет. Участники этих собраний представляли на них интересы тех групп имперских сословий, к которым они принадлежали [11: s. 139, 141]. Тогда же окончательно определился порядок проведения рейхстагов, которые начинались с чтения предложений императора, а заканчивались заседанием трех коллегий, на котором зачитывались резолюции рейхстага самим императором либо эрцканцлером. Монарх мог одобрить мнение рейхстага или его отклонить, хотя избирательная капитуляция обязывала его принять постановления высшего сословно-представительного органа империи [4: s. 91]. В принципе рейхстаг был строго иерархизированным учреждением согласно всем правилам ленно-вассальной иерархии, т. е. сверху располагалась курия курфюрстов, ниже — курия князей, затем — курия городов. Правило ранжирования строго соблюдалось. Сопротивление дворянства принципу получения большинства голосов путем деления наследственных владений хорошо объясняется тем, что благодаря родственным связям обеспечивалось большинство голосов в куриях [3: s. 100].

Возникновение курии курфюрстов вообще точно не датировано, но уже в XII веке четыре рейнских князя (три архиепископа и пфальцграф Рейнский) фигурировали в качестве «делателей королей», к которым несколько позднее присоединились герцог Саксонский и маркграф Бранденбургский. Далее эта группа получила название «выборщиков короля» и лишь в 1298 году в результате соглашения в Нюрнберге между Альбрехтом Австрийским и его выборщиками ее члены впервые именуется как курфюрсты. Затем в Золотой булле Карла IV в 1356 году курия курфюрстов была окончательно определена в количестве

семи членов (седьмым был чешский король, т. е. сам Карл IV). Таким образом, завершился начатый еще в 1002 году процесс формирования круга высшей имперской аристократии, выбирающей императора: сам процесс избрания с соответствующими ритуалами считался выполнением курфюрстами своего служебного долга [19: s. 321]. В Золотой булле были окончательно определены права и обязанности курфюрстов во время избрания и коронации императоров. Далее устанавливалось право первородства, т. е. наследования звания курфюрстов старшими сыновьями светских членов курии или избранными соборным капиталом коадьюторами, иными словами, наследниками церковных иерархов. Формально курия курфюрстов была утверждена первый раз на рейхстаге 1486 года. В XVII веке в курию курфюрстов были введены соответственно герцог Баварский и герцог Ганноверский. Король Чешский (Богемский) принимал участие только в выборах императора. Окончательное решение о присутствии чешского короля в качестве полноправного члена курии курфюрстов на рейхстагах было принято только в 1708 году. А в роли эрцканцлеров империи традиционно выступали курфюрсты Майнцские [3: s. 104]. Курфюрсты рассматривали свою коллегия как санкционированную Золотой буллой олигархическую верхушку в имперской политике, всячески претендуя на ведущее положение в делах государственного управления. Имперские князья ревниво относились к такой роли курфюрстов, что неизбежно вело к соперничеству между обеими куриями.

На имперских собраниях XIV–XV веков среднее и мелкое дворянство не составляло сословной группы и, как правило, входило в клиентелу курфюрстов и князей. Что касается имперских и «вольных» городов, то юридическое оформление их представительства на рейхстагах происходит только в конце XV века, хотя значение бюргерства крупных городов в общественно-политической жизни империи этих столетий было совсем не маленьким. Императоры и князья стремились ослабить позиции бюргерства, которое, несмотря на это, усиливало свое влияние по мере укрепления городских союзов в Южной и Западной Германии. К концу этого же столетия заканчивается и институциональное оформление курии князей: они и имперские графы выступают в защиту своих интересов против императоров и коллегии курфюрстов. В их число входят также архиепископы, епископы, аббаты. Число духовных князей к этому времени уже уменьшилось с 70 до 50, а вследствие Реформации и перехода иерархов церкви в круг светских феодалов их количество продолжило тенденцию к сокращению. К ним примыкали бароны, не являвшиеся духовными князьями крупные прелаты и представители имперского дворянства. Все они, естественно, по мере территориализации отдавали свои голоса на рейхстагах за интересы своих территорий. Параллельно складыванию коллегии князей происходит и конституирование курии имперских «вольных» городов, которые получают право решающего голоса только в 1582 году (до этого они имели только два консультативных голоса), а равные права с другими куриями в 1648 году. Города видели в создании своего собственного собрания инструмент защиты своих интересов при решении важнейших

вопросов имперской политики. Последний всеобщий съезд представителей городов произошел в 1508 году. В это время количество его участников достигало 85, но в последующем уменьшилось до 50. Положение городов и их влияние на рейхстагах было, как видно, незначительным вплоть до Вестфальского мира. Императоры же, находясь на вершине ленно-вассальной пирамиды, по мере становления территориальной государственности были вынуждены в своих избирательных капитуляциях отказываться от некоторых своих привилегий и прав. Де-факто они сохраняли за собой право созыва и роспуска рейхстага, а также — при благоприятном раскладе сил — и влияние на ход работы рейхстага. Императорские комиссары имели, по сути, лишь право передать инструкции императора в канцелярию эрцканцлера. При Карле V его брат Фердинанд стал наместником императора на рейхстагах с правом созывать и распускать их [4: s. 99].

В целом же политическая конъюнктура того времени больше способствовала укреплению княжеского территориализма, нежели утверждению городских общин. Кроме того, имело место ранжирование курфюрстов и князей в зависимости от величины их владений, количества подданных, финансовых и военных ресурсов. Значительную роль играли также близость или отдаленность территорий от главных центров имперской политики, которые при Максимилиане I еще располагались на юге и западе Германии. Курфюрсты Бранденбургские находились, например, на периферии имперской политики, хотя по размерам владений превосходили герцогов Баварских [6: s. 29–30].

Рейхстаги второй половины XV века, предшествовавшие знаменитому Вормсскому рейхстагу 1495 года, отразили в своей деятельности проекты и попытки проведения имперских реформ, целью которых являлось установление единого государственно-политического порядка. В программе видного деятеля католической церкви и гуманиста кардинала Николая Кузанского «*Concordantia catholica*» предлагалось параллельное усиление власти императора и имперских сословий. Но в реальности дела обстояли несколько иначе. В этом смысле отдельное место занимает Франкфуртский рейхстаг 1485–1486 годов, где ряд курфюрстов во главе с эрцканцлером, курфюрстом Бертольдом Майнцским выступили против попыток Габсбургов, направленных на консолидацию монаршей власти. Максимилиан I, избранный на этом рейхстаге римским королем и зависевший от позиции курфюрстов в свете предстоящей императорской коронации, ничего не смог противопоставить такому развитию событий. Удалось лишь установить в стране земский мир сроком на 10 лет. Попытки же учреждения единого имперского суда тогда не увенчались успехом. Партия архиепископа Майнцкого, правда, добилась улучшения организации работы рейхстагов, однако исключительно с целью усиления роли имперской канцелярии, руководимой эрцканцлером, как органа исполнительной власти. Но поскольку эрцканцлер не был заинтересован в укреплении позиций императора, такой вариант фактически приводил бы только к двоевластию.

Бертольда Майнцского вполне можно было бы назвать федералистом, отстаивавшим идею территориального княжеского суверенитета. В целом, конечно, программа федеративного государственно-политического устройства империи в большей степени соответствовала реальному положению дел в стране. Однако в проекте Бертольда по созданию централизованного государства ведущая роль принадлежала коллегии курфюрстов, в то время как Максимилиан I стремился к централизации по франко-бургундскому образцу, что ему уже удалось осуществить в своих родовых австрийских землях [15: s. 67–69].

Необходимость проведения реформ по реорганизации государственно-политического устройства империи диктовалась во многом неопределенностью отношений императора и сословий, а также ситуацией на внешних границах и в родовых владениях Габсбургов. С одной стороны, еще были свежи в памяти войны между Фридрихом III и венгерским королем Матиашем Хуниади (Корвином), который в 1483 году даже захватил Вену. Только в 1491 году Максимилиану удалось решить венгерский вопрос военным, а затем и дипломатическим путем, когда новый венгерский король Владислав II из польской династии Ягеллонов заключил с ним Пресбургский мир, согласно которому в случае смерти бездетного Владислава венгерская корона должна была перейти к Габсбургам. Но в это же время Максимилиан I был втянут в затяжной конфликт с Францией из-за бургундского наследства. Лишь в 1493 году с Францией был подписан мир в Сенли, решивший проблему бургундского наследства и споров из-за Бретани. Но ресурсы Максимилиана I были исчерпаны, поэтому он нуждался в кардинальной перестройке финансовой системы империи. К тому же ему было необходимо укрепить свои позиции внутри империи и в Европе ради активизации восточной политики, главной целью которой служила подготовка крестового похода против турок [17: s. 185]. Именно организация отпора венгерскому королю и крестового похода были исходными моментами в разработке Максимилианом I имперской реформы в монархическом духе, основной упор в которой был сделан на вопросах земского мира, имперского суда и введения общеимперской денежной единицы. На рейхстаге в Нюрнберге в 1489 году Максимилиан I ради достижения широкого консенсуса в решении проблем даже согласился на ряд структурных изменений в работе рейхстага в пользу сословий. Естественно, что в годы, предшествовавшие Вормскому рейхстагу 1495 года, сословия могли сформулировать и обозначить собственные позиции по основным пунктам реформы [2: s. 150–151].

Рейхстаг в Вормсе 1495 года проходил в весьма неблагоприятной для Максимилиана I внешнеполитической обстановке. В свою очередь реализация сложных задач на внешнем фронте всецело зависела от финансовой помощи сословий. Итальянский поход французского короля Карла VIII, начавшийся в сентябре 1494 года, представлял собой угрозу не только для имперских ленов Италии, но и в перспективе мог привести к изменению баланса сил в Европе в пользу

Франции и, следовательно, к ослаблению позиций империи. Поэтому в задуманной им широкомасштабной войне против Франции Максимилиан I намеревался не только укрепить свои позиции в Италии, но и восстановить власть бургундского дома в Пикардии, герцогстве Бургундском, графстве Артуа и Брабанте. Но для осуществления этих планов ему неизменно требовалась финансовая поддержка сословий, получить которую можно было только ценой новых уступок и фактического отказа от реализации своего проекта имперской реформы. Вормсский рейхстаг теперь должен был уже двигаться по совершенно другому пути, нежели тот, который ему предназначался в монарших планах проведения имперской реформы. Курфюрсты, так или иначе, собирались установить подконтрольную им систему имперского управления [8: s. 46].

Проблема имперской реформы в результате положения, сложившегося в европейской политике, стала лишь частью внутривполитической дискуссии. Курфюрсты и князья сделали вопрос о финансовой поддержке императора гарантией и фундаментом их политической самостоятельности. Шаг за шагом, как показывают документы и переписка вокруг рейхстага, они смягчали предложения советников императора и заменяли их предложениями Бертольда Майнцского. В результате Вормсский рейхстаг, как подчеркивает немецкий историк Х. Ангермайер, становился поворотным пунктом в формировании имперской политики и имперской конституции, ставившим Максимилиана I и имперское управление в новое положение на европейском уровне [1: s. 30].

Вормсский рейхстаг 1495 года работал очень долго — с 18 марта до 10 сентября. Если в централизованных западноевропейских монархиях того времени короли являлись источниками законного порядка и государственности, будучи одновременно законодателями, правителями и верховными судьями, то в империи ситуация была иной. Рейхстаг в конституционно-правовом отношении не представлял собой самостоятельного органа, его созыв относился к компетенции короля. Курфюрсты, князья, графы представляли по существу самих себя, а города — верхушку их населения. С одной стороны, рейхстаг становился партнером монарха, а с другой — о легитимной сословной оппозиции едва ли можно было говорить, поскольку законными являлись только действия и предложения императора. Но без согласия сословий ни одно из предложений монарха не могло обрести законную силу.

Каковы же были решения рейхстага 1495 года? Первое из них касалось установления Вечного земского мира, согласно которому запрещались междоусобные войны, что гарантировало сохранность территорий средних и малых имперских феодалов, а также вводилась подсудность священнослужителей светскому суду в случаях совершения ими уголовных преступлений. Не менее важным было создание институтов Высшего апелляционного суда. Но, конечно, до установления единой правовой системы было еще далеко. Максимилиан I акцентировал внимание на самостоятельности имперского апелляционного суда, т. е. независимости его от сословий, и в октябре 1495 года

в качестве верховного судьи в империи лично открыл первое его заседание. В целом можно сказать, что этот новый институт был скорее политическим компромиссом в отношениях между государем и сословиями, означавшим укрепление правовых норм по отношению к королевской власти и независимости его деятельности от двorca как центра средневековой системы власти. Это также означало выделение имперского Придворного Совета как нового органа персональной юрисдикции государя. Уже в 1498 году Максимилиан вывел Придворный Совет из системы имперских учреждений, что было завершено при императоре Фердинанде I в 1559 году, когда он окончательно стал самостоятельным судебным органом. Если имперский суд и Придворный Совет являлись центральными судебными органами, то в отдельных землях создавались земельные инстанционные суды, практически не подчинявшиеся центральному управлению. Кроме того, теоретическое обоснование римского права в качестве общеимперской нормы из-за сильного влияния территориального права и местных правовых обычаев было разрушено, что также помешало империи сделать важные шаги по пути формирования государства Нового времени [2: s. 174–175].

Кроме вышеперечисленных новаций огромное значение имело принятое рейхстагом 1495 года постановление о введении единого поголовного налога сроком на четыре года (имперского пфеннига). Данное решение в значительной степени являлось политическим, так как было принято в результате уступок со стороны Максимилиана I, а именно его согласием на введение налога каждый раз с санкции рейхстага. Фактически монарх лишился права учреждать налог с помощью собственных указов. Это была явная победа партии курфюрстов во главе с Бертольдом Майнцским. К тому же вместо запрошенных им субсидий в размере 8 миллионов гульденов Максимилиан I получил крайне ничтожную для ведения активной внешней имперской политики сумму в 300 тысяч флоринов [2: s. 182].

Начавшиеся на Вормском рейхстаге 1495 года имперские реформы затем были продолжены на рейхстагах 1496–1498 годов, где основной упор был сделан на дальнейших попытках упорядочить денежное обращение и ввести контроль за социальной жизнью путем «полицейского порядка» в том смысле, как он понимался в то время. В «полицейский порядок» включались соблюдение предписаний относительно ношения одежды представителями различных социальных слоев, постановления против брани, пьянства, фальсификации вина, распространения азартных игр и передвижений цыган, которые тогда считались турецкими шпионами [6: s. 77].

Принятие решений в рейхстаге большинством голосов во многом отвечало интересам не имперских органов власти, а интересам курий курфюрстов и князей. В принципе курфюрсты, имевшие свою клиентелу или просто сторонников или родственников среди князей, епископов и баронов, могли заблокировать любое невыгодное для них решение. По мнению немецкого

исследователя К. Шлайх, с одной стороны, консенсус требовался для всеобщего согласия, а с другой — складывавшаяся система голосования способствовала колебаниям при принятии заключительной резолюции большинством голосов. Императоры в свою очередь рассматривали принцип большинства как основание для обвинения тех сословий, которые не соглашались с их предложениями, требуя выполнения меньшинством решения большинства. Как утверждает К. Шлайх, нельзя проводить аналогии между решениями рейхстагов и категориями современного государственного права. Даже сопротивление сословий выплачивать требуемую сумму налогов объяснимо не только их нежеланием, но нередко и невозможностью сделать это по причине недостатка средств. Важно также отметить наличие корпоративного единства в куриях, несмотря на декларировавшиеся сословные свободы. Реально же это были корпоративные свободы, поэтому рейхстаг представлял собой скорее комбинацию объединений различных сословий, противостоящих императору. Свои обязанности сословия не рассматривали как выполнение юридического долга по осуществлению решений большинства на рейхстагах. Принцип большинства на рейхстагах XV–XVI веков не соответствовал принципу большинства при современной демократии, потому что рейхстаг не был представительным советом в широком смысле, ибо имперские сословия представляли только себя. Этот принцип имел гибкий характер и использовался в той мере, в какой его можно было использовать в политических целях [14: s. 302–305].

Наверное, стоит согласиться с тезисом Х. Ангермайера о том, что имперская реформа не была ни результатом, ни мотором политики. Собственно, компромисс 1495 года между монархом и сословиями был отражением сложившегося баланса сил в империи, что в свою очередь вело к созданию новой концепции политического устройства страны. Определенно можно говорить, что на этой основе на рубеже XV–XVI веков происходило развитие имперских институтов управления, которые развивались уже и по собственным законам, как бы защищаясь от политизации установленного конституционного порядка. Кстати, Х. Ангермайер выступает против давно сложившегося мнения о том, что Максимилиану I не удалось провести последовательного реформирования имперских институтов управления из-за того, что он был сильно отвлечен перипетиями итальянских войн в 1496–1500 годы, чем воспользовался для проведения в жизнь своего проекта имперской реформы Бертольд Майнцский. Вопрос, конечно, заключался в борьбе за финансовые ресурсы, а точнее, в решении проблемы имперского налога, ибо без постоянного имперского налогообложения нельзя было говорить об укреплении имперских институтов власти [2: s. 184–185]. Здесь необходимо учитывать позицию коллегии курфюрстов, которые хоть и не были заинтересованы в укреплении положения государя и имперских институтов власти, но, с другой стороны, они не стремились к распаду империи. Именно поэтому курфюрсты ставили вопрос о взимании имперского налога в зависимость от согласия сословий.

Вместе с тем, очевидно, нельзя полностью исключать роль итальянской политики Максимилиана I в сделанных им уступках сословиям. Как бы то ни было, но после завершения Вормского рейхстага 1495 года Габсбург имел перед собой только одну цель, заключающуюся в скорейшем проведении итальянского похода, урегулировании конфликтов со швейцарскими кантонами, создании антифранцузской коалиции и короновании императорской короной в Риме. А взятие и удержание Милана являлось ключевым моментом во франко-имперском соперничестве из-за установления гегемонии в Италии и во всей имперской политике в целом [18: s. 26, 28].

В конце XV века эрцканцлер империи во все большей степени становится выразителем чаяний сословий, нежели первым должностным лицом в высшем имперском управлении. Сопrotивление сословий политике Максимилиана I персонифицировалось в фигуре Бертольда Майнцского. Отношения между монархом и архиепископом становились все более напряженными. Имперская канцелярия зачастую действовала вопреки монаршим директивам, постепенно увеличивая свое влияние даже во внешнеполитической сфере, тем более что курфюрст Майнцкий выступал в роли представителя германского епископата в римской курии. Рейхстаг теперь оказался так или иначе вовлеченным во внешнеполитические дела империи и в зависимости от обстоятельств функционировал то как противник, то, наоборот, как партнер и совещательный орган императора. Следовательно, Максимилиану I было необходимо соответствующим образом представлять свои внешнеполитические проекты в посланиях к рейхстагу. Причем он не только информировал рейхстаг о своих намерениях, но также и испрашивал совета, содействия и помощи. Рейхстаг нередко становился местом оживленных дискуссий и словесных баталий между монархом и сословиями. Попытки эрцканцлера и некоторых князей противопоставить императору свое видение внешней политики империи приводили к обострению отношений между ними также и во внутривполитических вопросах.

В кажущейся хаотичности конфликтов, противоречий и трений между отдельными представителями сословий тем не менее существовал определенный порядок. Во-первых, сложились определенные зоны стабильности, находившиеся под контролем сильных княжеских династий. Во-вторых, выборы архиепископов, епископов, коадьюторов и аббатов крупных монастырей носили в достаточной степени консервирующий характер, так как крупные княжеские семьи стремились обеспечить вакантные духовные должности за своими родственниками. Каждый князь в силу родственных отношений и политических интересов принадлежал к какой-либо имперской партии. Даже коллегия курфюрстов не была единой. Так, четыре рейнских курфюрста были заинтересованы в сохранении единого таможенного контроля в прирейнских территориях и в проведении единой политики против имперских городов. Однако на этом их совместные интересы заканчивались, а дальше начинались противоречия,

особенно между Пфальцем и Майнцем. А Швабский союз 1488 года, в который входили сам Максимилиан I как эрцгерцог Австрийский, курфюрсты Майнцский и Трирский, ряд епископов, герцог Вюртембергский и большинство швабских имперских городов был явно направлен против преобладания династии Виттельсбахов в Южной Германии.

Следующим важным шагом в проведении имперской реформы, во многом определившим государственно-территориальную структуру империи, стало образование имперских округов (Reichskreisen). На рейхстаге в Аугсбурге 2 июля 1500 года Максимилиан предложил ввести «Regimentsordnung», т. е. порядок управления, согласно которому вводился имперский совет, в который входили шесть курфюрстов (кроме чешского короля), двенадцать князей и два представителя от имперских округов, с целью более упорядоченного управления имперскими делами. Кроме этого, устанавливались шесть имперских округов (Франконский, Баварский, Швабский, Рейнский, Нижне-рейнско-Вестфальский, Нижнесаксонский) [12: s. 3–5]. Впоследствии их число увеличилось до десяти. В рамках окружных собраний решались дела общеимперского внутреннего управления. Округа были лишены возможности влиять на решение внешнеполитических вопросов. Иерархия внутри округов способствовала снижению территориальной агрессивности и установлению по возможности справедливого разделения внутриимперских обязанностей (налогов, расквартирования войск и т. д.) [5: s. 582].

Совершенно очевидно, что инициированные реформы, пусть и обусловленные спецификой политического устройства империи, позволили Максимилиану I проводить достаточно активную внешнюю политику, несмотря на то, что французский король упорно рассматривал императора лишь как одного из курфюрстов.

Процесс реформирования продолжился и в начале XVI века. Последующие нововведения в организации имперского управления представляли собой детализацию реформ конца XV века. Так, в 1508 году был определен порядок подачи апелляций и обращений в имперский суд. А в 1512 году был введен в действие порядок нотариата, регулировавший дела о правах наследства, что было особенно важно для решения споров о наследственных делах между сословиями. В 1529 году наследственные права внуков были уравнены с правами сестер; тем самым был сделан первый шаг к преодолению средневекового родственного права в пользу частного личного права Нового времени. Кроме того, в 1532 году была сформулирована система наказаний по уголовным делам, т. е. «Каролина» Карла V. Начавший формироваться «полицейский порядок» в течение всего XVI века продолжал детализироваться по различным параметрам. Точно так же дополнялись новыми положениями антимонопольное законодательство и порядок чеканки монет. В 1523–1524 годах и в 1530 году были предприняты попытки распространения антимонопольных законов на деятельность крупных компаний, занимавшихся международной торговлей. Однако к середине XVI века ситуация

изменилась и запреты на монополии исчезли в имперских и территориальных «полицейских порядках». Ревизии подвергались также и воинские статуты, которыми регулировались наем войск, компетенция командующих войсками, содержание военнопленных, продажа оружия и пороха и т. д. Но попытка создания единой регулярной армии натолкнулась на активное сопротивление со стороны сословий. Предоставление солдат в имперскую армию так и не стало их обязанностью. Этот вопрос решался не только на уровне рейхстагов, но и на уровне ландтагов. Вормский рейхстаг 1521 года решил эту проблему так, что формирование имперской армии было возможно, но лишь с помощью средств и сил, предоставляемых сословиями, которые, как показывает практика, предпочитали всячески уклоняться от выделения необходимых ресурсов [16: s. 701].

В целом имперское законодательство отражало характерный для всей Западной Европы процесс рецепции римского права в отличие от местного законодательства в крупных германских территориальных княжествах. Если глава империи и сословия сотрудничали друг с другом в составлении юридических актов, то эффективность новых норм была существенной, тем более что многие земельные установления часто базировались на имперских законах. Единственное, что мешало успешному функционированию права на территории империи, так это отсутствие действенной исполнительной власти в стране [2: s. 216–218].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть тесную связь процессов конституирования рейхстага, проведения имперских реформ и усиления территориализации в империи в конце Средневековья и в начале раннего Нового времени. Реформы создали многие элементы правового государства, основанные на рецепции римского права как основы гражданского общества и классического права частной собственности, что было важно для будущей модернизации как страны в целом, так и ее отдельных земель. В то же время укрепление позиций коллегии курфюрстов способствовало аристократизации имперской конституции и блокировало ее продвижение по пути создания правового государства Нового времени западноевропейского образца. Рейхстаги стали важным фактором стабилизации внутреннего положения в империи, гарантом вечного имперского мира и выразителями интересов сословий. В определенном смысле они представляли собой рудименты будущего федеративного устройства Германии. Но в условиях отсутствия общей внешней угрозы для всех земель империи, которая могла бы их консолидировать с целью укрепления центральной власти, реформа и конституирование рейхстагов одновременно маркировали собой усиление процессов территориализации и формирования имперской предгосударственной системы.

Литература / Literatura

1. Angermeier H. Einleitung // Deutsche Reichstagakten unter Maximilian I. Bd. 5. Reichstag zu Worms 1495. Bd. I, Teil I: Akten, Urkunden und Korrespondenzen / bearb. von H. Angermeier. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1981. 590 s.

2. Angermeier H. Die Reichsreform, 1410–1555: Die Staatsproblematik in Deutschland zwischen Mittelalter und Gegenwart. München: Beck, 1984. 702 s.

3. *Aulinger R.* Das Bild des Reichstages im 16. Jahrhundert. Beiträge zu einer typologischen Analyse schriftlicher und bildlicher Quellen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. 520 s.
4. *Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. Karlsruhe: Kraemer & Hansen GmbH, 1966. 370 s.
5. *Dotzauer W.* Die deutschen Reichskreise (1383–1806). Geschichte und Aktenedition. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. 687 s.
6. *Gollwitzer H.* Einleitung // Deutsche Reichstagakten unter Maximilians I. Sechster Band. Reichstage von Lindau, Worms und Freiburg 1496–1498/ bearb. von H. Gollwitzer. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. 798 s.
7. *Heinemeyer W.* Die Territorien zwischen Reichstradition, Staatlichkeit und politischen Interessen // Säkulare Aspekten der Reformationszeit/hrsg. von H. Angermeier. München: Bohlau, 1983. S. 77–89.
8. *Hollegger M.* Die Grundlinien der Außenpolitik Maximilian I und der Wormser Reichstag von 1495 // 1495 – Kaiser, Reich, Reformen. Der Reichstag zu Worms. Ausstellung des Landeshauptarchivs Koblenz in Verbindung mit der Stadt Worms zum 500-jährigen Jubiläum des Wormser Reichstags von 1495. Koblenz: Landesarchivverwaltung Rheinland-Pfalz, 1995. S. 39–55.
9. *Moraw P.* Versuch über die Entstehung des Reichstags // Politische Ordnungen und soziale Kräfte im Alten Reich/hrsg. von H. Weber. Wiesbaden: Beck, 1980. S. 1–36.
10. *Moraw P.* Der Reichstag zu Worms von 1495 // 1495 – Kaiser, Reich, Reformen. Der Reichstag zu Worms. Ausstellung des Landeshauptarchivs Koblenz in Verbindung mit der Stadt Worms zum 500-jährigen Jubiläum des Wormser Reichstags von 1495. Koblenz: Landesarchivverwaltung Rheinland-Pfalz, 1995. S. 25–37.
11. *Neuhaus H.* Die Rheinische Kurfürsten, der Kurrheinische Kreis und das Reich im 16. Jahrhundert // Rheinische Vierteljahrsblätter. Jg. 48, 1984. S. 138–160.
12. Quellen zur Verfassungsentwicklung des Heiligen Römischen Reiches deutscher Nation (1495–1806). Bearb. von H. Duchhardt. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983. 178 s.
13. *Reinhard W.* Geschichte der Staatsgewalt. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte Europas von den Anfängen bis zur Gegenwart. München: Beck, 1999. 631 s.
14. *Schlaich K.* Die Mehrheitsabstimmung im Reichstag zwischen 1495 und 1613 // Zeitschrift für historische Forschung 10, 1983. S. 299–340.
15. *Steinmetz M.* Deutschland 1476–1648. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1978. 428 s.
16. *Tischer A.* Reichsreform und militärischer Wandel. Kaiser Maximilian I. (1493–1519) und die Reichskriegsreform // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 8, 2003. S. 685–705.
17. *Wiesflecker H.* Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. Bd. I. München: Verlag f. Geschichte u. Politik, 1971. 608 s.
18. *Wiesflecker H.* Kaiser Maximilian I: das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. Bd. 2. Wien: Verlag f. Geschichte u. Politik, 1975. 576 s.
19. *Wolf A.* Die Vereinigung des Kurfürstenkollegs. Zur Reformacio sacri status imperii bei der Königserhebung Albrechts von Österreich im Jahre 1298 // Im Spannungsfeld von Recht und Ritual. Soziale Kommunikation in Mittelalter und früher Neuzeit/hrsg. von H. Duchhardt und G. Melville. Köln: Oldenbourg, 1997. S. 305–371.

R. V. Furtsev

Reichstags and Imperial Reforms in Late XV – Early XVI Century

The article considers the problems of establishment of the place and role of the Reichstag as an institution of power in the system of state administration of the Holy Roman Empire, as well as the problems of the relationship between the estates and Maximilian I of Habsburg in the light of the process of initiation of imperial reforms.

Keywords: empire; estates; the Reichstag; policy; reforms.